

УДК 81'38;801.6;808; 82.0:801.6; 82-1/-9
DOI 10.17223/18137083/54/3

С. В. Бурмистрова

Томский государственный педагогический университет

**Рецепция апостольского текста
в «Воспоминаниях» П. Е. Анненковой**

Рассматриваются проблемы изучения эстетической рецепции евангельского дискурса, в том числе вопросы, связанные с уточнением понятийного аппарата, применяемого при анализе литературы в религиозно-философском аспекте. Приводится теоретическое обоснование целесообразности использования в современном литературоведческом обороте термина «апостольский текст», определяются его содержание и место в структуре Библии, выявляются ключевые характеристики, позволяющие обозначить как его специфические черты, так и точки соприкосновения с утвердившимися в науке понятиями «библейский текст», «евангельский текст». На материале «Воспоминаний» П. Е. Анненковой исследуются особенности интерпретации апостольского текста в отечественной словесности XIX в., раскрываются его значение и функции в мемуарной литературе, в частности, выявляется роль апостольского дискурса в построении авторской модели самоописания и концепции декабристской культуры.

Ключевые слова: апостольский текст, христианская аксиология, библейская герменевтика, аллюзия, мотив, гендер, рецепция, контекст, мемуары, декабристская культура, модель самоописания.

Одна из тенденций современного литературоведения связана с изучением религиозных основ русской словесности. Осмысление материала, который на протяжении XX в. в силу идеологических причин не становился объектом подробного филологического изучения, в настоящее время требует разработки новых методологических принципов и уточнения теоретико-понятийного аппарата. Так, О. А. Дашевская, рассматривая специфику изучения христианских аспектов русской литературы XX в. в постнеклассическую эпоху, отмечает, что перед современным исследователем «стоят серьезные задачи», одна из которых связана с необходимостью «уточнения и корректировки некоторых понятий» [Дашевская, 2013, с. 16].

Это замечание можно отнести и к таким ставшим устойчивыми в научном обороте терминам, как «библейский текст», «евангельский текст», «христианский

Бурмистрова Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Томского государственного педагогического университета (ул. Киевская, 60, Томск, 634061, Россия; t-svet2007@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 1
© С. В. Бурмистрова, 2016

текст» и др. Несмотря на широкое использование данных понятий в современном литературоведении, они все еще находятся в стадии своего содержательного оформления. Так, одно из последних и наиболее распространенных определений евангельского текста указывает на его тесную связь с терминами «библейский текст», «христианский текст», на подвижность границ этих понятий, что позволяет исследователям использовать их в качестве синонимичных. По утверждению В. Н. Захарова, евангельский текст – это «научная метафора, которая включает в себя не только евангельские цитаты, реминисценции, мотивы, но и книги Бытия, и притчи царя Соломона, и Псалтырь, и книгу Иова – словом, все то, что сопутствовало Евангелию» [Захаров, 1994, с. 7]. Подчеркнутое в формулировке единство ветхозаветной и новозаветной частей Библии не вызывает сомнений, поскольку имеет под собой строго научную, в том числе богословскую мотивировку. В частности, в библеистике Евангелие рассматривается как реализация ветхозаветных пророчеств.

Вместе с тем предложенное литературоведами «метафорическое» осмысление евангельского текста неизбежно влечет размытость, отсутствие четких критериев и характеристик, позволяющих выявить особенности его воплощения в эстетическом дискурсе. Бинарная структура Нового Завета, включающая наряду с Четвероевангелием так называемые апостольские книги, которые в обозначенном филологическом определении евангельского текста не идентифицируются в качестве самостоятельных, делает необходимым в целях терминологической конкретизации обращение к понятию «апостольский текст». Сопоставление терминов, семантическое ядро которых отражает содержание связанных с ними новозаветных сочинений, позволяет акцентировать в их определении смысловые доминанты, точки пересечения и специфические различия. Заметим, что данные понятия уже функционируют в междисциплинарном поле современного гуманитарного знания, в частности в сфере библейской методологии. Так, в библеистике существует традиция дифференцирования в Новом Завете Евангелия и Апостола, позволяющая использовать в качестве исследовательского инструментария термины «евангельский текст» и «апостольский текст».

В современном научном дискурсе за словом «Евангелие» закрепилось два значения: богословское и литературное. В богословском ключе Евангелие интерпретируется как многоуровневая система, теологическая доминанта которой связана с идеей благовестия о «спасении во Христе Иисусе» [Емельянов, 2010, с. 107]; в литературном смысле Четвероевангелие осмысливается как письменный памятник, который в соответствии с определенными критериями описывает «жизнь, смерть и Воскресение Иисуса Христа». Под Апостолом в библейской науке принято понимать собрание составленных апостолами сочинений, в которых повествуется о распространении евангельской проповеди и утверждении христианской Церкви. В канонический корпус апостольских книг входят 23 текста: Деяния святых апостолов; Послания, состоящие из 21 сочинения; Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис).

Священное Предание христианской Церкви также отражает дифференциальный принцип в осмыслении Нового Завета, закрепившийся, в частности, в порядке следования богослужения. Так, литургическая практика предполагает предварять чтением отрывка из Апостола собственно евангельское чтение, отличающееся торжественным обрядовым сопровождением.

Вместе с тем принцип композиционной близости евангельской и апостольской частей в структуре Библии и богослужебном чинопоследовании призван подчеркнуть их содержательную общность. Поэтому двухсоставная структура Нового Завета выполняет не столько дифференциальную, сколько телеологическую функцию, т. е. речь идет не столько об идейно-тематическом разграничении книг, сколько о перестановке акцента. Если евангельское повествование сосредоточи-

вается на описании земной жизни Иисуса Христа, письменной фиксации его учения, то цель апостольского текста связана с отражением процесса рождения христианской Церкви, конкретного воплощения христианского учения и его интерпретации, сохранении, передаче в «неповрежденном» виде. Апостол формирует основу того, что в богословской науке именуется Священным Преданием и что составляет сердцевину церковной жизни и вероучения.

Использование в статье термина «апостольский текст» дает возможность рассмотреть неевангельскую часть Нового Завета как единую систему, характеризующуюся определенным комплексом идей, мотивов, и идентифицировать ее в эстетической сфере в качестве целостного образования. При определении содержания данной системы представляется продуктивным обращение к герменевтическим принципам, в том числе методологии библейской герменевтики, сформировавшейся в ходе своего развития различные способы толкования Библии (буквально-исторический, аллегорический, критический, филологический и др.). Вне зависимости от теоретического подхода к интерпретации Священного Писания в нем принято различать, по меньшей мере, два смысловых уровня: буквальный и символический. Это означает, что описанные в Библии конкретные реалии истории, быта, культуры возможно воспринимать либо непосредственно в буквальном смысле, либо, не ограничиваясь только буквальным содержанием, через букву постигать присутствие скрытой, духовно-мистической семантики. Сторонники аллегорической теории утверждают, что конкретно-историческое наполнение библейского текста обладает знаковым символическим характером, который необходимо извлечь и адекватно расшифровать. Представители буквализма не исключают наличие символического уровня в некоторых фрагментах библейского повествования, но предпочитают сосредоточиться на трактовке его прямого значения. Очевидно, что в разных теоретико-методологических концепциях в качестве общего положения выступает признание знаковой природы библейского текста, указывающей на его параболические качества.

Апостольский текст, сохраняющий параболические функции Священного Писания, характеризуется системой устойчивых образов и мотивов. Их семантика определяется не только контекстуальным, но также жанровым принципом. В качестве ведущих жанров апостольской части Нового Завета выступают послания и деяния, имеющие целью выразить суть христианского вероучения и понимание природы церкви, сформировать этические правила взаимоотношений христиан в создающейся общине. Соответственно, приоритетными в содержании Апостола являются образы учителя и ученика, проповедника, странника, церковной общины как семьи, вечери любви (*ἀγάπη*), креста, темницы, оков, моря, корабля; а также мотивы пути (духовного и географического), жертвенной любви (*caritas*), божественного просвещения и языческого/духовного неведения, смирения и несения креста (т. е. терпения страданий ради Бога), свободы и заточения, откровения, чудесного исцеления, благословения, жертвы и самопожертвования и др. Отметим, что образно-мотивный комплекс апостольского текста генетически связан с евангельским дискурсом. Соответственно Четвероевангелие выступает в качестве обязательного ближайшего контекста для осмысления апостольских книг.

Проблема рецепции Библии в русской словесности, обозначенная в отечественном литературоведении в конце прошлого века, по-прежнему актуальна и требует подробного изучения, что объясняется фактом обращения к новым материалам для анализа, в том числе к так называемым маргинальным жанрам, находящимся на стыке литературы и быта (мемуары, дневники и др.), а также необходимостью разработки адекватного методологического инструментария.

В настоящее время не поддается сомнению важность библейского дискурса в построении декабристской картины мира и эстетики. Исследование эпистоляр-

ных, мемуарных и других источников свидетельствует о значимости религиозной составляющей и собственно библейского текста, как в создании философско-эстетической концепции декабризма, так и в повседневной реальности сосланных в Сибирь участников восстания. По замечанию В. Д. Юшковского, в годы ссылки «декабристы вновь обращаются к христианскому вероучению, размышляют над библейскими текстами, пишут стихи религиозно-философского содержания и целые трактаты, как М. А. Фонвизин»¹.

В этой связи интерес представляют записки жены декабриста И. А. Анненкова – Полины Егоровны Анненковой (1800–1876), демонстрирующие характерное для декабристского мироощущения религиозно-мистическое восприятие действительности. Ее «Воспоминания» (1888) являются ценным автодокументальным источником, запечатлевшим особенности индивидуально-авторского мироощущения, а также духовно-нравственные ценности декабристской культуры.

В 1861 г. Анненкова начала работу над составлением записок. Однако текст остался незавершенным, обрываясь на 19-й главе, повествующей о прибытии Анненковых на новое место каторжного поселения – село Петровское. Важную роль в процессе подготовки текста к изданию сыграла дочь мемуаристки – Ольга Ивановна Иванова, которая не только записала воспоминания матери, продиктованные ей на французском языке, но и выполнила их русский перевод.

«Воспоминания» Анненковой отличаются жанровой и повествовательной многоплановостью и включают, наряду с собственно мемуарными записками, документальные (расписки, письма, распоряжения, письменное свидетельство мужа о восстании) и автодокументальные фрагменты. Кроме того, мемуары впитали традиции некоторых художественно-публицистических и религиозных жанров (путевых заметок, романа-воспитания, исповеди, жития и др.). Для «Воспоминаний» характерна также ориентация на канон женской автодокументальной прозы, в т. ч. на сложившийся в рамках декабристской культуры мемуарный дискурс, – записки М. Н. Волконской, письма Е. И. Трубецкой и др.

Нарративная многослойность «Воспоминаний» обусловлена стремлением Анненковой органично соединить две линии, одна из которых связана с освещением общезначимых исторических событий, другая – с изображением личной судьбы, вовлеченной в сферу большой истории. Смена нарративных регистров, от интимно-личностного до объективно-аналитического, обуславливает масштабность концептосферы и разнообразие стилистического рисунка текста. Для «Воспоминаний» характерно постоянное сопряжение частного и общезначимого, личного и исторического, конкретно-обыденного и философско-универсального. Диалектическая позиция автора, сообщающая тексту параболические качества, позволяет выявить не только причинно-следственную, но и провиденциальную логику в событиях собственной жизни и в развитии мировой истории, определить свою роль в историческом процессе.

Два центра «Воспоминаний» – Я и Мир – осмысляются в повествовании в соответствии с авторской концепцией человека и действительности, имеющей отчетливую мистико-религиозную направленность. Акцентирование притчевосимволической семантики наиболее характерно для тех фрагментов текста, которые связаны с воплощением концепции судьбы героини, а также с выражением авторского понимания декабристской культуры.

В условиях развернувшейся в 1860-е гг. полемики о реформировании России, о значении в ее исторической судьбе восстания на Сенатской площади для Анненковой становится важным передать новым поколениям свидетельство очевидца событий 1825 г., т. е. собственную версию истории. Поэтому индивидуальный опыт бытия мемуаристки получает в воспоминаниях статус общезначимого,

¹ Юшковский В. Д. «Отсутствие божества есть погибель»: Религиозное сознание декаб-

осмысливается не только как факт интимной, частной жизни, но соотносится с судьбой целого поколения ссыльных декабристов.

В качестве приоритетного начала в обозначенной мемуаристкой модели декабристкой культуры выступает ее духовно-нравственное содержание. Программные формулировки «Союза спасения» обнаруживают в своей основе тесную связь с этическими принципами христианства и масонства. В качестве ведущей характеристики декабристского мироощущения можно рассматривать ориентацию на библейский дискурс, что подтверждается письменными свидетельствами (автодокументальными и художественными текстами декабристов), а также анализом фактов, относящихся к сфере повседневного общения ссыльных поселенцев. Нередким в декабристской среде было сравнение участников восстания с апостолами. Так, М. С. Лунин назвал декабристов «апостолами свободы». В его «Записной книжке» содержится, кроме данного сравнения, указание на эволюцию декабристской картины мира, обусловленную мотивом покаяния, осознания совершенных ошибок: «Можно говорить о заблуждениях и проступках этих апостолов свободы, как Писание говорит о дани, которую отдавали людским слабостям апостолы веры»².

Мотив покаяния, непосредственно соотносящийся с библейской семантикой, приобретает особое значение в апостольском тексте. Это объясняется тем, что исповедническое служение апостолов исходит, прежде всего, из желания искупить грех отступничества, противопоставить совершенному в прошлом предательству обретенную в настоящем любовь к Богу и ближним, предав теперь не Бога в «руки грешников», но собственную жизнь в Его волю. Кроме присущего апостольскому тексту мотива исповедничества, большое значение в нем имеет категория движения, пути, поскольку главная функция апостольского служения заключается в миссионерской деятельности, проповеди учения Христа «по лицу всего мира».

В «Воспоминаниях» Анненковой авторская концепция декабризма выражается посредством христианского аллюзионного комплекса, значительная часть которого восходит к апостольскому тексту. Включение библейского дискурса способствует расширению повествовательных рамок «Воспоминаний», а также прояснению важного для мемуарного текста авторского восприятия времени, в котором прошлое, настоящее и будущее соотносятся в логике причинно-следственных связей, как звенья единой цепи. Развитие времени и движение человека во времени, т. е. история мира и история личности, определяется, в представлении мемуаристки, нравственным фактором (согласно библейским взглядам на историю). Поэтому способы изображения автогероини, интерпретация событий и сам принцип отбора материала, соотносятся зрелой мемуаристкой с духовно-религиозным планом.

Заданные Анненковой идеологический и духовно-нравственный аспекты мемуарного повествования реализуются прежде всего через мотивный комплекс, в частности через мотив пути. Категория пути является в «Воспоминаниях» доминантной и отличается полисемантической природой. Можно выявить несколько вариантов ее репрезентации в тексте, которые, в конечном итоге, формируют два основных смысловых вектора. Первый связан с передвижениями по географическому пространству и включает: переезд из Франции в Россию; поездки по центральной части России (Москва, Павловск, Симбирская губерния), паломничество в Троице-Сергиеву лавру, «петербургские тропы» к арестованному возлюбленному; дорогу из Москвы в Сибирь, переезды по местам ссылки. Второй вектор определяется стремлением автора обозначить этапы своего жизненного

² Юшковский В. Д. «Отсутствие божества есть погибель».

пути, запечатлеть стадии развития собственной личности, осмыслить путь как процесс духовного становления.

Категория пути в «Воспоминаниях» имеет выраженную бинарную структуру, выполняющую параболическую функцию, и ориентирует на двуплановость изображения и восприятия конкретно-географических реалий: буквальное и символическое.

Так, в описании путешествия из Франции в Россию можно выделить фрагмент, который получает в тексте символическое значение и содержит апостольские аллюзии. Рамка повседневности, определяющая характер впечатлений, сложившихся на начальном этапе путешествия в Россию, позволяет автору сфокусировать внимание на кратком упоминании о стихийном бедствии – «страшной буре у норвежских берегов». Мемуаристка сообщает читателю, что во время стоянки в Кильбеве она помогала осуществлять переговоры между двумя капитанами – датчанином и французом, за что в знак благодарности получила от последнего фрукты и вино. И далее, как будто в числе прочего и даже с некоторой долей деловой интонации, автор отмечает: «Все это мне очень потом пригодилось. Вина, конечно, не для меня самой, а моим спутникам, были очень полезны, когда нас застала страшная буря у норвежских берегов, продолжавшаяся целую неделю. Ужасное было время! Паруса обрывало беспрестанно, матросы не успевали чинить их. Всеми овладело страшное уныние, молодые матросы все лежали без чувств, старые держались, но были мрачны и угрюмы» [Анненкова, 1977, с. 68].

Данный эпизод представляет интерес не только в силу изображенной в нем экстраординарной ситуации, но и в плане специфики ее репрезентации в тексте, ее функций в моделировании автопортрета мемуаристки и организации нарратива. Горизонт ожидания произведения предполагает дешифровку рассказа о стихийном бедствии и обозначенных в нем мотивов (мотив страшной бури, мотив отчаяния опытных мореплавателей, данный по контрасту с мотивом веры в благополучный исход, мотив принятия пищи для телесного и душевного укрепления и др.) в контексте архетипической модели, восходящей к Новому Завету – книге Деяний святых апостолов.

Это сочинение, относящееся к раннехристианской эпохе, повествует о созидании Церкви посредством распространения вероучительных идей, составляющих основу Священного Писания и Священного Предания. Значительная часть Деяний связана с описанием уникальной истории призвания фарисея Савла к апостольскому служению, а также с передачей содержания его устных и письменных посланий. Наряду с прочими в финальной части книги представлен фрагмент, изображающий последнее путешествие св. апостола Павла в Рим, ставший местом его заключения и мученической гибели. В частности, упоминается, что во время морского плавания его судно настигла «немалая буря», когда «многие дни не видно было ни солнца, ни звезд», так что у спутников «исчезала всякая надежда... к спасению». По контрасту с подчеркнута отчаянной атмосферой, воцарившейся среди попутчиков, изображается поведение апостола, который, получив откровение от Бога о том, что ему надлежит предстать перед судом кесаря в Риме, уверен в благополучном завершении плавания и призывает всех «ободриться» и подкрепиться провизией: «Теперь убеждаю вас ободриться, потому что ни одна душа из вас не погибнет» (Деян. 27: 22)³. «Потому прошу вас принять пищу: это послужит к сохранению вашей жизни» (Деян. 27: 34).

Мемуарный текст, неоднократно сигнализирующий об устойчивом интересе его автора к вопросам религиозной жизни, позволяет предположить, что Аннен-

³ В качестве источника библейских текстов в работе использовано издание [Библия, 1996].

кова сознательно использует библейские мотивы и аллюзии в процессе самоописания и выражения собственного видения декабристской культуры.

Апостольские аллюзии актуализируют в данной части «Воспоминаний» мотивы обетования, веры в осуществление пророчества о «русской» судьбе автора. Интуитивное, предреченное знание о будущем объясняет оптимистический настрой автогероини во время стихийного бедствия. С апостольскими мотивами (откровения, веры, провидения и др.) связаны также эпизоды, повествующие о семейных преданиях, которые призваны подчеркнуть мысль о необычности и одновременно некой предопределенности судьбы мемуаристки. Так, ее отец, Жорж Гебль, получил предсказание о том, что у него «будет много детей, и об одном из них будут много говорить» [Анненкова, 1977, с. 46]. В 1860-е гг., когда создавались мемуары, имя Анненковой как жены декабриста было широко известно и даже закреплено в письменных текстах (автодокументальных, публицистических и художественных), что дает мемуаристке основание отнести именно к себе, полученное ее отцом предсказание об известности одного из его детей.

Пророческое значение получает также описанная в мемуарах ситуация игры-гадания автогероини о замужестве: «Однажды в Сен-Миеле, когда я сидела в кругу своих подруг, те шутили и выбирали себе женихов, спрашивая друг друга, кто за кого хотел бы выйти... дошла очередь и до меня, тогда я отвечала, что ни за кого не пойду, кроме русского. <...> Я... говорила это тогда не подумавши, но странно, как иногда предчувствуешь свою судьбу» [Там же, с. 61].

Провиденциальный мотив, связанный с предчувствием особенной «русской» судьбы автогероини, нагнетается и в описании фрагмента ее прощания с матерью перед отъездом в Россию⁴. «Мать моя ужасно плакала, провожая меня. Я ее утешала тем, что вернусь скоро... но последние слова ее были... “Нет, я тебя никогда не увижу, ты выйдешь замуж за русского”» [Там же].

Обозначенные в тексте провиденциальные мотивы, важные как для выражения концепции жизненного пути автогероини, так и для интерпретации конкретного повествовательного фрагмента о морской буре, дешифруются в контексте библейских аллюзий. Воссоздавая ситуацию стихийного бедствия и определяя позицию автогероини (прежде всего, духовно-нравственную), Анненкова использует несколько стратегий. Функция первой связана с девербализацией, т. е. с отсутствием в тексте прямой характеристики (с помощью оценочной лексики) психоэмоционального состояния автогероини. Мемуаристка предпочитает обозначить собственные переживания опосредованно: через категорию действия. Ничего не сообщая об эмоциях, пережитых во время шторма, она сосредоточивается на упоминании о поступках автогероини, направленных на оказание поддержки окружающим. Представленная в данном фрагменте модель поведения молодой девушки и связанные с ней мотивы, сюжетные ситуации формируют в повествовании апостольский аллюзионный контекст. При этом необходимо отметить, что действия автогероини в пограничной между жизнью и смертью ситуации сопрягаются с привычными для нее поведенческими механизмами, закрепившими за ней образ сильной и одновременно сострадательной девушки, добродетельной христианки.

Вторая стратегия основана на принципе контрастного сопоставления автогероини и ее попутчиков. Так, если собственное переживание природной стихии Анненкова отражает через категорию действия, то настроение экипажа она предпочитает передать непосредственно через вербальные единицы нравственно-психологического плана («молодые матросы все лежали без чувств, старые дер-

⁴ В 1823 г. руководство торгового дома Дюманси предложило Анненковой работу в их московском филиале.

жались, но были мрачны и унылы», «страшная буря», «ужасное время», «мрачность», «страшное уныние» и др.).

Использование приемов прямой (с помощью оценочной лексики) и опосредованной (через действия) психологической характеристики позволяет мемуаристке адекватно высветить значимую для нее модель самоописания, ориентированную на духовно-религиозный опыт. Подразумеваемое контрастное сопоставление автогероини с окружающими (по аналогии с противопоставлением образов апостола Павла и его попутчиков в книге Деяний) призвано акцентировать оптимистическую позицию молодой девушки. Указание на атмосферу всеобщего уныния на судне подразумевает вывод о незаурядности натуры автогероини. При этом зрелой мемуаристке важно показать, что присущая ей с юных лет «веселость духа» обусловлена не наивным неведением, не поверхностным мировосприятием, но напротив, глубинным пониманием законов мироустройства и духовной жизни. Способы моделирования образа героини ориентируют не столько на психолого-бытовой сколько на мистико-религиозный аспект самоидентификации, создающий представление о сложности, многоплановости авторского мироощущения.

Апостольский аллюзионный план важен не только для дешифровки эпизода о стихийном бедствии, но также для выражения идеи о соотносительности жизненного пути мемуаристки с принципами христианского вероучения и апостольским служением. Понимание цели и смысла своего предназначения Анненкова выражает если и не через прямое сопоставление с миссией апостола Павла, то, по крайней мере, в контексте таких новозаветных мотивов, как исполнение божественного замысла о человеке, движение по спасительному «узкому» пути, ведущему к вечной жизни, мотива самопожертвования. Кроме того, мемуаристка использует в процессе самоописания характерную для декабристской авторефлексии идею миссионерства. Сосланные декабристы осознавали себя в роли посланников (в буквальном переводе слово «апостол» означает «посланник»), призванных к духовно-нравственному просвещению Сибири.

Обозначенная в «Воспоминаниях» модель жизненного пути автогероини, включающая повествование о ее географических перемещениях и духовном развитии, позволяет заключить, что мироощущению автора присуще ключевое для христианства представление о земном существовании человека как движении к Богу, нравственном подвиге, сопряженном с преодолением препятствий и необходимостью самопожертвования, глубокой веры. Эта мысль неоднократно варьируется в Библии, в том числе и в апостольском тексте. Так, в одном из посланий апостола Павла к Коринфской церкви содержится следующее признание: «Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем». Данное утверждение неизменно сопровождается в Библии сотериологическим комментарием о том, что сопротивление человека «отчаянным обстоятельствам» возможно только при условии его обращения к помощи Бога, которое в христианстве именуется божественным благословением.

В этой связи отметим, что в «Воспоминаниях» Анненковой категория пути также соотносится с мотивом благословения, который связан с воссозданием вершинных, пограничных ситуаций, например, с изображением перехода от своего к чужому, от старого к новому, от одного этапа жизни к другому. Так, Анненкова упоминает, что в 1827 г. известный богослов и просветитель – митрополит московский Филарет (Дроздов) – «напутствовал» ее, когда она «уезжала в Сибирь» [Анненкова, 1977, с. 84]. Как благословение от преподобного Сергия она воспринимает и представившуюся ей возможность совершить паломничество в Троице-Сергиеву лавру. И даже такой незначительный, на первый взгляд, фрагмент, как встреча с незнакомым больным стариком на одной из станций перед

въездом в Москву, интерпретируется мемуаристкой в качестве провиденциального, как знак благословения. Не случайно данная ситуация погружается в контекст религиозной семантики, связанной с православным праздником Пятидесятницы: «Когда я въезжала в Москву, солнце... освещало ярко московские колокольни. Город точно улыбался, везде ставили березки – в этот день была Троица» [Там же, с. 125]. Кроме того, на мистико-религиозную перспективу авторского мировосприятия указывает обозначенная в тексте портретная характеристика крестьянина, которая соотносится с каноническим образом библейского праведника: «Старик сидел на кровати, длинные седые волосы и большая борода покрывали... ему грудь и плечи. Увидев меня, он привстал... и поклонился низко, касаясь пола своей дряхлой рукой... Еще более поразили меня слова старика: “Я узнал от твоего человека, зачем ты ездила к государю. Дело, матушка! Господь сохрани тебя... ведь господа-то хотели свободы нашей, свободы крестьян”» [Анненкова, 1977, с. 124–125].

Апостольский аллюзионный план приобретает в мемуарах особую значимость и в связи с задачей построения концепции декабристской культуры, которая в представлении Анненковой отличается высоконравственным содержанием и основана на христианской аксиологии. При этом мемуаристке важно определить собственную роль в формировании данной культуры и обозначить таким образом свой этический образ в настоящем.

Аллюзионная соотнесенность повествования с апостольским текстом позволяет обнаружить дополнительные характеристики в восприятии доминантного в декабристском тексте хронотопа Сибири. Данный топос представлен в «Воспоминаниях» в двойной перспективе: через призму собственной судьбы и в культурно-эстетическом контексте, включающем семантику мотивов книги Деяний святых апостолов, а также комплекс значений, определившихся в русском и французском рецептивном дискурсах о Сибири. Выход в библейскую плоскость позволяет мемуаристке осмыслить декабристский хронотоп как сегмент мировой христианской цивилизации. В тексте возникает аллюзионная параллель: Россия/Сибирь и Европа/Рим. Сибирь в судьбе мемуаристки, также как и Рим в контексте жизненного пути апостола Павла, интерпретируется не только как место ссылки, ограничившее внешнюю свободу, но так же как экзистенциальное пространство, мотивирующее к самораскрытию, к проверке на подлинность сложившейся системы ценностей.

Аллюзии на апостольский текст усиливают в авторской рецепции Сибири столь важную для автора дихотомию центр/периферия. Эпоха, отраженная в апостольских сочинениях – первые века новой эры – характеризуется, по меньшей мере, развитием двух тенденций духовно-нравственного и геополитического характера: распространением христианства и смещением центра европейской цивилизации из античной Греции в Рим. Обе тенденции представляются взаимообусловленными: утверждению христианской религии, повлиявшей на становление новой картины мира, способствовал процесс выдвижения Рима в качестве культурного и политического центра европейской цивилизации. В то же время геополитическая и культурная центрация Рима сопровождалась укреплением ведущей позиции Римской церкви.

Таким образом, христианский аллюзионный уровень мемуарного повествования позволяет соотнести два временных и пространственных плана – XIX в. и раннехристианскую эпоху; топос Сибири, приобретающий статус зауральского центра российской культуры, и Древнего Рима, находившегося в стадии перехода на новый этап цивилизационного развития. Аллюзия на апостольский текст позволяет подчеркнуть полисемантическую воссозданность в мемуарах образов России и Сибири, в построении которых приоритетным выступает морально-этический принцип.

Кроме того, образ Сибири у Анненковой организован в логике «сибирского фронта», т. е. территории контакта, по меньшей мере, двух культур разного уровня цивилизационного развития, одна из которых (культура переселенцев) призвана оказывать благотворное воздействие на аборигенную культуру. Анненкова изображает Сибирь как неосвоенную в культурно-идеологическом плане территорию. Незаполненность сибирского пространства осмысливается двояко: и положительно и отрицательно. С одной стороны, отсутствие привычных атрибутов цивилизации и сложившейся в культуре центральных регионов системы ценностей удивляет, а порой пугает автогероиню, так как обнаруживает условия для существования разрушительных тенденций. В тоже время особенности развития региона (быт, традиции аборигенов) позволяют просвещенному человеку реализовать здесь преобразовательные проекты.

Документальные источники, сохранившие сведения о пребывании декабристов в Сибири, а также современные исследования убедительно доказывают ведущую роль декабристов в созидании нового образа Сибири: ссыльные декабристы принесли много положительного в эту не совсем на тот период благополучную часть российского государства. Безусловно, декабристы попытались воплотить свои идеалы в наиболее доступных им сферах, прежде всего в идеологии и повседневной жизненной практике. Свою главную задачу они видели в попытке повлиять на ментальный, культурный уровень жителей Сибири. Поэтому их деятельность в Сибири была направлена на народное просвещение (открытие мужских и женских гимназий, публичных библиотек, преподавательская практика и др.), а также связана с научно-исследовательской работой (составление карт Сибири, научное описание ее флоры и фауны, экономического и политического состояния и т. п.). Влияние декабристов на быт и культуру Сибири способствовало усилению центристских тенденций в формировании ее регионального значения.

Следует заметить, что представленная в «Воспоминаниях» религиозная модель декабризма мотивирована не только точкой зрения мемуаристки, но также духовными поисками декабристов. По замечанию современных исследователей, условия ссылки способствовали актуализации саморефлексии декабристов, что неизбежно приводило к размышлениям над вопросами веры. В. Д. Юшковский утверждает, что «желание сберечь чистую душу не покидало декабристов в годы испытаний, на каторге и в ссылке. И многие находили возможным сделать это только благодаря вере, полагая безбожие “ложной философией”. Так считал европейски образованный и, судя по письмам, практичный, здравомыслящий П. Н. Свистунов: “Пока человек не ограничивает свое мышление заботами мирской жизни, перед ним всегда стоит великая и прекрасная задача – нравственного самосовершенствования и спасения своей души, если он имеет счастье быть верующим”»⁵.

В контексте христианской аксиологии осуществлялась и практическая деятельность декабристов. Многие из них воспринимали ссылку как возможность нравственного самосовершенствования через служение ближнему. Именно заповедь о любви к ближнему декабристы полагают сердцевинной христианской аксиологии, выраженной в словах Спасителя: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин.13: 34–35).

В этом плане ссыльная жизнь декабристов, воссозданная Анненковой, сопоставима с жизнью верующих в раннехристианской общине, которая наиболее полно описана в книге Деяний святых апостолов. Жизнь первых христиан изображается здесь как реализация божественной заповеди о любви: «Они постоянно

⁵ Юшковский В. Д. «Отсутствие божества есть погибель».

пребывали в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах... *Все же верующие были вместе и имели все общее* (курсив наш. – С. Б.). И продавали имения и всякую собственность и разделяли всем, смотря по нужде каждого. И каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселье и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа...» (Деян. 2: 42–47). «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все было у них общее...» (курсив наш. – С. Б.) Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного... в чем кто имел нужду» (Деян. 4: 32–35).

Декабристская аксиология в представлении Анненковой связана с утверждением таких духовных идеалов, как любовь, душевная чистота, соборность, самопожертвование, патриотизм, братство, нравственное и интеллектуальное просвещение и др. В полной мере эти идеалы воплотились в жизни тех декабристов, которые испытали трудности сибирской каторги и ссылки. Но в силу того, что «Записки» Анненковой не завершены и охватывают события до 1828 г., они почти не содержат сведений о реализации масштабных духовно-нравственных и просветительских инициатив декабристов. Однако в «Воспоминаниях» ее дочери О. И. Ивановой, которые можно рассматривать как текст-дуалет, как своеобразное продолжение мемуаров Анненковой, сделана попытка определить вклад декабристов в развитие нравственных ценностей отечественной культуры. Являясь негласным соавтором «Воспоминаний» своей матери, в собственном мемуарном повествовании она продолжает развивать ее ключевые идеи. О восприятии Ивановой собственных записок в едином идейно-содержательном контексте с «Воспоминаниями» Анненковой свидетельствует доминирование в них этического пафоса. Кроме того, приоритет этического аспекта в записках Ивановой объясняется их жанровыми особенностями. Воспоминания отличаются выраженной субъективностью и преобладанием авторского ощущения настоящего, что свидетельствует об их жанровой близости к автобиографии. Так, акцент Ивановой на этической составляющей мотивирован тем, что в период работы над записками она, больная раком, доживала свои последние дни, а потому ее слова и поступки были направлены на выражение глубинного, сущностного, самого ценного.

Вместе с тем духовно-нравственная перспектива в авторском восприятии прошлого обусловлена не только субъективными причинами, но также историческим моментом – эпохой рубежа веков, вошедшей в культуру под знаком декадентской философии. Этот период, отмеченный разрушением традиционной картины мира, потребовал от личности самоопределения, проверки системы ценностных ориентиров. Переосмыслению подверглись и такие фундаментальные как для европейской, так и для русской культуры положения христианства, как свобода воли человека, любовь, брак, семья.

В этой связи симптоматичной представляется характерная для записок Ивановой и «Воспоминаний» Анненковой сосредоточенность на изображении семейно-родового космоса. Подобная акцентуация призвана передать не только индивидуально-авторское представление о семье как приоритетной ценности человеческой жизни, но и утвердить в культуре рубежа веков вполне определенный образ декабристского сообщества – как образ семейного союза.

В мемуарах Анненковой сделана попытка подробно охарактеризовать культуру отношений в собственной семье. Автор воспринимает семью в контексте христианских традиций: как нераздельный союз мужчины и женщины, когда «двое становятся единой плотью» не только в телесном, но и духовном плане. Данное понимание семьи выражено непосредственно через ряд сюжетных ситуаций, имеющих символическое звучание. Так, ситуация передачи для И. А. Анненкова в Петропавловскую крепость записки с признанием автогероини: «Я поеду за то-

бой в Сибирь», несомненно, содержит сакральный смысл, на что указывает примечание о том, что записка была вложена в нательный крест мемуаристки. Согласно принципам религиозной этики, христианин может отдать другому человеку главный символ своего вероисповедания – крест – только в исключительном случае, когда необходимо особо подчеркнуть мысль о родстве двух душ, о готовности разделить участь ближнего, совместно нести единый крест. В христианском ключе можно рассматривать и сознательно моделируемый в тексте образ автогероини как жены, помощницы и сподвижницы мужа.

Если в воспоминаниях Анненковой лишь намечено рассмотрение декабристского сообщества как единой семьи, то в мемуарах ее дочери эта идея получила наиболее полное раскрытие. По убеждению Ивановой, утверждавшееся уже в раннехристианскую эпоху осмысление религиозного сообщества как семьи (по аналогии с образом Святой Троицы, характеризующейся качествами нераздельности и неслиянности) и нашедшее продолжение в начале XIX столетия в романтических представлениях о мире как единой семье, лежало также в основе преобразовательной программы декабристов. Эту программу, изначально рассчитанную на масштабы страны, они смогли реализовать лишь в пределах собственной жизни. Так, по словам Ивановой, «декабристы... во время поселения, когда тысячи верст их разделяли, составляли как бы одну семью, тесно связанную между собою общими интересами и самою святою нежною дружбою... у детей, все это видевших, составилось такое понятие, что все между собою родные, близкие и что весь мир такой... а потому тяжело им было потом в жизни привыкать к другим людям и другой обстановке» [Иванова, 1977, с. 199]. Однако, как замечает мемуаристка, «декабристы... вдохнули нам такие чувства и упования, такую любовь к ближнему и такую веру в возможность всего доброго, хорошего, что никакие... разочарования не могли потом истребить тех идеалов, которые они нам создали» [Там же].

Иванова осмысляет себя как представителя поколения, воспитанного на высоких идеалах декабристов. Ключевая для автора идея о нравственном совершенстве декабристов не только выступает психологическим лейтмотивом ее записок, но и определяет специфику самоописания. «Известно многим уже, – пишет мемуаристка, – какие люди были декабристы, с каким достоинством переносили они свое положение, какую примерную, безупречную жизнь вели они... и как они были любимы и уважаемы везде, куда бросала их судьба. Лично для меня они были незаменимы, я их потом везде искала, мне их недоставало в жизни» [Там же]. Декабристская культура, выразившая традиционные этические нормы, должна стать, по убеждению Ивановой, нравственным ориентиром для современного человека.

Обозначенные в «Воспоминаниях» Анненковой апостольские аллюзии, необходимые для выражения авторской модели самоописания и концепции декабристской этики, являются определяющими и в мемуарах Ивановой.

Список литературы

- Анненкова П. Е.* Воспоминания. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1977. 328 с.
Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. М.: Рос. библейское о-во, 1996.
Дашевская О. А. Проблемы изучения христианских аспектов русской литературы XX века в постнеклассическую эпоху. Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 377. С. 16–21.
Емельянов А., прот. Введение в Четвероевангелие: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. 254 с.

Захаров В. В. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1994. С. 5–11.

Иванова О. И. Воспоминания // Анненкова П. Е. Воспоминания. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1977.

S. V. Burmistrova

Reception of the apostolic text in «Memoirs» by P. E. Annenkova

The paper deals with the problems of studying the aesthetic reception of the evangelical discourse, including issues related to the clarification of the terminology used in the analysis of literature in the religious and philosophical aspect. The paper presents a theoretical substantiation of the reasonability of using the term «apostolic text» in the modern literary criticism, defines its content and place in the structure of the Bible, reveals the key characteristics that make it possible to identify both its specific features and points of contact with the concepts «biblical text» and «evangelical text» that have become firmly established in science. Based on the «Memoirs» by P. E. Annenkova, the author of the paper investigates the peculiarities of the apostolic text interpretation in the Russian literature of the 19th century, reveals its meaning and function in the literary memoirs. In particular, she reveals the role of the apostolic discourse in the construction of the author's model of self-description and the concept of the Decembrist culture.

Keywords: apostolic text, Christian axiology, biblical hermeneutics, allusion, motif, gender, reception, context, memoirs, Decembrist culture, model of self-description.

DOI 10.17223/18137083/54/3